

В поисках Грааля

Десятилетиями люди всем более-менее довольны были. Может, правда, прикидывались, что их всё устраивает. А как многочисленные кризисы повсеместно матушку-планету трясти стали, сразу всем недовольны сделались. Своими и чужими правителями, тем, как деньги в мире распределяются, и, в особенности, друг другом. Что в Европах, что в Азиях и Америках - одинаково. Дабы хоть как-то страсти унять, «золотой ключик» нужен - заветную дверку в будущее открыть. Кому он достанется, тот «на коне» будет. Кто его первым найдет, за тем и удача. И победа. И спасение...

Граница

Такого Доаль никак не мог предположить. Граница была открыта. На ней никого не задерживали, восвосяи не заворачивали и документы никакие не проверяли. Зато на воротах, единственных через которые можно было пройти, стояли два великана и всех входящих длинными бичами полосовали. Причем били наотмашь. Сильно-сильно. Не ради остратки, а чтобы следы побоев навечно в тело впечатать. Плату такую за проход взимали - дав клеймо себе на тело поставить, чужаки за своих никогда, ни при каких обстоятельствах сойти не могли.

Что удивительно, никто из тех, кто у ворот толкались, не роптали и не сопротивлялись. Все подходили, получали удары нагайками по лицу, плечам и спине и проходили дальше. Будто так и надо. Будто они это заслужили. И вообще подобное в порядке вещей.

«Ну, уж нет, - прикинул Доаль. - Может, у вас правила тут такие скотские, но меня они никак не устраивают». Поэтому, когда подошла его очередь «пересекать ленточку», он произнес простейшее заклинание разрушения, и нагайка рассыпалась в прах.

Ничего не говоря, сохраняя полное спокойствие, как будто и это в порядке вещей, великаны сдули с ладоней труху и потянулись за новыми плетками. Единственно, новые выглядели намного страшнее и массивнее прежних. Доаль уничтожил и их.

Тогда в руках великанов появились гигантские извивающиеся змеи, от одного вида которых люди должны были делаться смирными и покладистыми. Однако Доаль не стал дожидаться, пока они этот смертоносный клубок на него обрушат, и открыл в их сторону два магических флакона. После того, как великанов в них втянуло, он аккуратно завинтил крышечки и пересек границу.

Путь был свободен. Остальные члены его команды моментально вынырнули из толпы, оставшейся дожидаться появления следующей смены великанов, и присоединились к нему. Чужая страна, которую предстояло приручить, лежала у их ног.

Знакомство боем

Легкая воздушная золоченая карета и карета сопровождения вольготно мчались по тракту, весело поскрипывая на поворотах. До столицы оставалось еще два дня пути, поэтому можно было не спешить. Но и расслабляться было не резон. Ситуация складывалась напряженная, и король с королевой ждали принцессу с нетерпением.

Вдруг впереди что-то рвануло. Потом сзади бабахнуло. Снова спереди. Возничьи запаниковали, но гнать не стали и попридержали коней. Это спасло обе кареты. Когда, перегораживая тракт так, чтобы не развернуться, на дорогу из ниоткуда выпрыгнули два великана, они успели вовремя затормозить.

В воздухе засвистели бичи. Недолго думая, забыв все принесенные клятвы, возничьи и охрана, копируя сцены из бравурных французских кинофильмов о временах мушкетеров, бросились врассыпную.

Не сплеховала только принцесса. Она ловко выскочила из кареты, пересела на козлы и попыталась объехать препятствие. Однако объехать свирепых великанов было нереально. К тому же съезжать с тракта кони категорически отказались.

Принцесса в растерянности натянула вожжи и вдруг почувствовала теплую мужскую ладонь на своей руке.

- Позвольте мне, - сказал Доаль. От неожиданности принцесса безропотно уступила их.

- Держитесь! - крикнул Доаль. Кони рванули вперед и уверенно проскочили сквозь великанов, синхронно исчезнувших по его команде. За ними последовала и вторая карета, несмотря на вопли побежавших вслед за ней телохранителей.

Минут десять Доаль гнал лошадей, чтобы оторваться от преследования. Затем позволил им перейти на привычный аллюр. Всё это время принцесса хранила напряженное молчание.

- Не знаю, как к вам относиться, - наконец, выдавила она из себя. - Кто вы: спаситель или похититель?

Видимо, она еще что-то хотела спросить, но не решилась. Возникла неловкая пауза. Доаль не стал ее затягивать.

- Как вам сердце подскажет, - вкрадчиво произнес он. - Судите сами. Ваша гвардия ни на что не годится. Все ваши охранники и телохранители - пустое место. Они трусы и предатели. Вы только что в этом сами убедились. При появлении первой же опасности они вас бросили. Им даже не пришло в голову, что они оставляют вас на растерзание монстрам. Они даже не попытались хоть что-то предпринять, чтобы вас защитить. Пусть и ценою собственной жизни.

Я и мои товарищи стоим больше тысяч, да что там - десятков тысяч таких защитников. Я, мы просто не могли бы не прийти вам на помощь в столь деликатной ситуации. Это для меня, для нас дело чести. И так будет всегда.

Но лишь в охране и телохранителях вы не нуждаетесь. Мне понравилось ваше мужество. У меня вызвало восхищение то, как вы действовали. Уверен, еще чуть-чуть, и вы нашли бы

решение – придумали, как преодолеть препятствие, что сделать, чтобы обмануть или победить примитивных великанов.

Я преклоняюсь перед вашей красотой. Никогда не встречал столь обаятельной и обворожительной женщины. Догадываюсь, зачем вы понадобились в столице. Знаю, насколько сильно король и королева в вас нуждаются.

Поэтому приглашаю вас опереться на меня. Предлагаю вам нетрадиционный набор – мою руку, дружбу и верность моих товарищей. Послал их вперед, чтобы они всё разведали, подготовили и ожидали нас в столице.

Сам решил последовать за вами, дабы уберечь от возможных неожиданностей. Похоже, что не зря. Мы будем с вами. Будем помогать вам всегда. При любых обстоятельствах. Будем служить вам верой и правдой, как верные рыцари.

В откровениях Доалья стоило, наверное, разобраться, но принцесса не стала этого делать. Она, как бы подтверждая его лестные оценки,отреагировала незамедлительно.

– Мне нравится, как вы говорите: проникновенно и искренне, – сказала она. – Нравятся слова, которые вы произносите – они находят отклик в моей душе. Но я ведь вас совершенно не знаю. Мы знакомы всего ничего. Как я могу вам доверять? Убедите меня. Расскажите о себе. Объясните, откуда вы всё знаете. На чем зиждется ваша уверенность. Только давайте сначала избавимся от второй кареты.

Как только они подъехали к развилку, принцесса деловито соскочила с козел, распрягла лошадей, надела на них седла, вынутые из кареты, поменяла сбрую, набросила удлиненные поводья на облучок и чинно устроилась на прежнем месте.

– Хорошо бы отправить ее по основной дороге, – лукаво обратилась она к Доалю. – Вам же, наверное, это раз плюнуть.

Ничего не говоря, он что-то прошептал, повел рукой, и карета умчалась.

– Мы же поедem по обводной дороге, – пояснила она. – Я на ней знаю одно укромное местечко, где мы спокойно переночуем, о нас никуда не сообщат, и не будут докучать расспросами. Да и рассказать вы всё сможете спокойно, пока мы туда доберемься, поминутно не оглядываясь по сторонам. Поехали?!

Конец троецарствия

Принцесса бросила на Доалья многозначительный подбадривающий взгляд, тем не менее, он не сразу откликнулся. То, как грациозно она разыграла его с каретой, и как охотно ее во всем слушались лошадки, произвело на него впечатление, и он прикинул, что ему стоит немножко перестроиться. Никакой лирики. Поменьше разглагольствований. Принцессе надо дать общую картинку. Она ждет от него чистосердечия и правдивой истории. Обмануть ее ожидания было бы непростительной ошибкой.

- Мы ваши ближайшие соседи: вам достаточно сделать пару шагов на север, и вы окажитесь у нас в гостях, - начал Доаль. - Но ни вы, принцесса, ни царедворцы, ни ваши советники наверняка о нас ничего не знают. То, что про нас здесь выдумали, лично у меня вызывает большую тревогу и негодование. Это сплошной вымысел. В большинстве своем грязный и нелепый. Он не имеет никакого отношения к действительности.

Сначала мне казалось, что причиной злобных сказок и наветов является то, что нас отделяют густые леса и высокие горы. Ведь когда получить достоверную информацию друг о друге очень сложно, подозрения рождаются сами собой. Все самые архаические страхи происходят оттого, что люди боятся неведомого. Эти страхи даже не нужно ничем подпитывать. Достаточно богатого воображения.

Я и сам, до того, как у вас очутиться, полагал, будто мы совсем не похожи друг на друга. Будто у нас всё-всё разное. Мы чувствуем, любим, живем иначе. У нас несопоставимые убеждения, идеалы, традиции. У того, во что мы верим, нет ничего общего. Мы хотим и добиваемся того, что вам чуждо. Что вам просто не понять.

Выяснилось: ничего подобного. И для вас, и для нас любовь, дружба, верность, преданность, следование канонам чести, забота о тех, кто нам дороги - высшая ценность. И устроены мы абсолютно одинаково.

Когда пробивался к вам, пересекал, между прочим, свирепо охраняемую границу, на которой людей намеренно ежесекундно унижают и втоптывают в грязь, убедился, что непроходимые леса и высокие горы - столь же тщательно оберегаемая ложь. Нет ни лесов, ни гор. Может, были до нашей эры, кто знает. Но с тех пор полностью сведены на нет. Даже намек на них не осталось.

Значит, кому-то очень нужно, кому-то очень выгодно, чтобы мы верили бредням. Боялись друг друга. Ненавидели. Подозревали в злом умысле. Кто-то очень хочет столкнуть нас лбами и всё для этого делает. Кто-то сильно наживает на том, что мы как бы противостояим друг другу, и строит на эскалации противостояния свою игру. Выяснить, кто эти загадочные кто-то, наверное, не составляет труда. Обязательно выясню и поломаю им игру.

Ни на кого нападать мы не собираемся. Напротив, готовы протянуть руку дружбы и помощи любому, у кого нет злого умысла. Ничего чужого нам не нужно. Никому в мире мы не завидуем. Для этого нет абсолютно никаких оснований.

Наши земли широки и обильны. По богатству хранящихся в них запасов и красоте природы им нет равных на планете. И талантами наши люди не обделены. Достаточно к нам наведаться, чтобы в этом убедиться.

Нам бы пару десятилетий спокойной мирной жизни, свободной от грабежей и набегов, нам бы вернуть веру в себя, да навести порядок в управлении - и тогда мы обустроим всё и внутри, и вокруг так, чтобы и мы сами, и все были счастливы. Ощущали себя комфортно. Преуспевали. Были уверены в своей безопасности. Наслаждались жизнью.

Пока мы на перепутье. Одна эпоха заканчивается. Следующая за ней еще только набирает силу. С давних пор у нас было три правителя. Их связь с народом носила сакральный характер.

Так повелось. Так установилось.

Высший иерарх отвечал за души людей. Он связывал их между собой. Помогал чувствовать себя единым целым. Был рядом в горести и печали. Поддерживал в трудную минуту. Давал надежду на будущее. Избавлял от сомнений.

Верховный управитель отвечал за повседневную жизнь. В его ведении было всё большое хозяйство. Он решал, кому, когда, сколько и почем. Он следил за справедливым распределением. От него зависело, в какую сторону развиваться, куда и зачем бежать и с какой скоростью.

Верховный заступник был повсюду. Он защищал людей от них самих. Одним своим грозным видом пугал недругов и отводил внешние угрозы. Заставлял людей быть вместе и вместе наказывать проштрафившихся за нерадивость и ослушание.

Но в основании их неоспоримой силы и могущества был волшебный пьедестал, на который могли всходить только они и никто больше. Стоило на него встать, как тучи рассеивались, и начинало светить солнце. Достаточно было с него что-то провозгласить, как это что-то становилось явью. Сказанное с него никем и никогда не могло быть оспорено и поставлено под сомнение.

Поскольку так было всегда, иначе и быть не могло. Верховные назначали преемников, и те в отведенный срок плавно и естественно сменяли их. Под их началом жизнь текла полноводной рекой, огибая острова и преодолевая любые препятствия.

А потом случилось непоправимое: от пьедестала откололся кусочек. Сначала один. Потом второй. Третий. И понеслось. В конце концов, пьедестал развалился, а с ним и земли распались – без него их было не удержать вместе.

Отчего, почему, как это могло произойти: по воле богов, по глупости людей – до сих пор ломаем головы. Согласно одной из версий, вера иссякла. По другой – произошло элементарное старение материала. Есть и третья: может быть, пьедестал надо было постоянно обновлять и реставрировать, а об этом забыли. Достоверно никто не знает.

Я не принц. Ни на какие особые почести не претендую. В моих жилах течет обыкновенная кровь. Хотя обучен, наверное, я лучше других, и природа или те, от кого она зависит, наделили меня некоторыми дополнительными способностями – о части из них вы уже догадываетесь.

Но так случилось, что меня ввели в состав тех, кто должен был наследовать какой-то из трех скипетров. Когда пьедестал окончательно развалился, и троецарствие закончилось, мы собрались вместе и решили, что отбудем в соседние страны и регионы на поиск новых материалов для создания пьедестала.

Мне по-настоящему повезло или, скажем иначе, боги оказались ко мне благосклонны. Я отправился на запад, где повстречал вас. Я им за это безмерно благодарен.

Шаг в неведомое

Принцесса слушала вдохновенные признания Доаля, вся обратившись в слух, не двигаясь и не перебивая. Однако по мере того, как он переходил от одного сюжета к другому, она менялась. Ее прежде насупленное лицо разгладилось. С него исчезло скептическое выражение. Из сначала прищуренных глаз ушли недоверие и напряженность. В них зажглись удивительные огоньки, от которых Доалю сразу сделалось тепло и захотелось говорить еще и еще. Весь ее облик изменился. Сделался более женственным. Выставленные наружу колючки спрятались внутрь. А когда Доаль уже заканчивал свой рассказ, теперь уже она положила свою ладонь на сгиб его руки. Только нежно и поощрительно.

И тут же она заметила, как из-за пазухи Доаля выглянул крохотный рыжий котенок – комочек шерсти, состоящий из большущих глаз с огромными зрачками, восторженно и наивно уставившихся на нее, четырех игрушечных лапок, запутавшихся друг в друге, и пародии на хвостик. Не задумываясь о том, что она делает, принцесса непроизвольно потянулась к нему и почесала за ушками. Он благодарно замурлыкал и подставил ей бархатное пузико.

На его мурлыканье из-за пазухи принцессы высунулась крохотная кошечка и с любопытством уставилась на Доаля. Он стиснул зубы, чтобы не поддасться искушению, но это было выше его сил. Кошечка прыгнула ему на колени и стала тереться о него. Чтобы не показаться неотесанным чурбаном, он принялся гладить ее, находя в этом занятии всё большее удовольствие.

От ласк и нежных прикосновений принцессы и Доаля крохотный кот и кошечка начали стремительно увеличиваться в размерах. Они росли и росли, пока не вымахали в огромных вполне взрослых животных. Удерживать их дольше на руках стало неловко и тяжело. Как по команде, путешественники съехали с дороги и укрылись в перелеске.

Стоило карете остановиться, как неистовый котяра и кошечка, будто всё делалось исключительно для них, перепрыгнули вовнутрь, задернули шторы и попросили им не мешать. Принцесса и Доаль возобновили путь, лишь когда уже начало смеркаться. Хорошо, что укромное местечко, где они нашли добрый ужин и пристанище, оказалось совсем недалеко. Правда, и там крохотный котенок и кошечка стали ластиться к ним настолько настойчиво, что продолжить серьезный разговор им удалось только утром, когда они вновь взобрались на козлы. Теперь была очередь принцессы рассказывать свою историю.

Закат семьи

– Когда я была маленькая, я боготворила моих родителей, короля и королеву, – с места в карьер пустилась принцесса. – Я была уверена: они навсегда. Они будут жить вечно. Царствовать столетие за столетием. Повелевать своими подданными до скончания веков.

Ведь они этого заслуживают, в этом не может быть никаких сомнений. Они самые умные на свете. Самые добрые. Самые справедливые и снисходительные.

Они любят всех, и все отвечают им взаимностью. Они помогают. Оберегают. Заботятся. С каждым годом щедрее к подданным всё больше. И обеспечивают им прав, и социальных лифтов,

и возможностей. Не говоря уже о разнообразных выплатах и пособиях, бюргерских домиках для всех и офисных небоскребах.

Организовали они всё тоже удивительно разумно и продумано. Каждый из них, чередуясь, правит по четыре года. Сначала король, а потом королева. Или, наоборот, сначала королева, а потом король. У каждого из них своя партия, своя бюрократия, свои сторонники, свои кланы в гражданском обществе и бизнесе. Вслед за монархами они властвуют попеременно.

Надо где-то что-то доделать, поменять, поправить и для этого провести непопулярные реформы - король и королева в свой черед берут на себя ответственность. Проводят, что нужно, и уходят, отдавая власть преемнику. А преемник всегда один и тот же.

Таким образом, всё оптимально и упорядоченно происходит. Поддерживается единство политических элит и истеблишмента. Гарантируется последовательность осуществляемого политического курса. Обеспечиваются порядок и политическая стабильность, столь необходимые для социального мира и сплочения, гармоничного развития и всеобщего благополучия.

Маргиналы есть - как без них - всякие там леваки, троцкисты, маоисты, анархисты, остальные недовольные и обделенные. Но их держат в узде. Не дают выйти из подполья и развернуться. Отрезают от эффективных интеллектуальных средств воздействия на незрелое молодое поколение. Только изредка выпускают порезвиться, чтобы совсем не зачахли и могли время от времени поугадать обывателя красной, коричневой или еще какой цветастой угрозой.

Я всем тем, как папа и мама устроили, взалхлеб восхищалась до 13 лет. А потом как-то вдруг перестала. Мне надоело торчать при дворе и постоянно одну и ту же жвачку жевать, которую мне подсовывали. Устроив образцовый спектакль из диких скандалов, бесконечных слез, истерик, побегов и голодовок, я заставила отдать меня в обычный лицей, в котором учились дети самых разных родителей. Тут всё и началось.

Я начиталась всяких книжек запретных, которыми со мной поделились. Наслушалась историй о боли, обидах, притеснениях и несправедливостях. Мальчишки, в которых я влюблялась по очереди, научили меня такому, о чем я и не подозревала. Подружки увлекли в другой мир, о существовании которого я и не догадывалась.

С их помощью я прозрела. Я увидела мир таким, каким он есть на самом деле. Осознала, что он лживый. Построенный на обмане. Слепленный из грязи. Пропитанный кровью, болью, слезами и унижением.

В нем ради того, чтобы пробиться наверх, идут на любые подлости и предательство. Допущенные до власти и богатства жируют за счет других. Умение обобрать этих других считается высшим искусством и достоинством. А тем самым другим затыкают рот крохами с барского стола. Застят взор сказками об их свободе быть околпаченными, легендами о несуществующей солидарности, терпимости и ротации власти.

Вот какой мир выстроили мои обожаемые родители. Вот чем я раньше восхищалась. Перед чем преклонялась. Считала совершенством. Такой мир надо было немедленно спасать от него самого. Радикально перекраивать. У меня были кое-какие идеи на этот счет.

С ними я и пришла к королю с королевой, благо могла к ним ввалиться, когда только пожелаю. Они меня внимательнейшим образом выслушали. Задали массу наводящих вопросов. Умных и благожелательных, свидетельствующих о том, что они хотят вникнуть и разобраться. Так что я отвечала на них с детским энтузиазмом. А потом похватили всех моих мальчиков и подружек и упрятали в казематы. Меня же отправили в дальний монастырь за тридевять земель – на границу с вами.

Однако их расчет на то, что я там сгину или зачахну, не оправдался. Спасибо Интернету. Друзья не оставили меня в беде. Они включили мою отдаленную обитель в спутниковое покрытие и переправили мне ключи доступа к любой информации на свете. Так что я имела возможность всего понабраться и одновременно следить за тем, что у нас происходит.

Но мне повезло еще и с обителью. Настоятельница монастыря оказалась высшим магом, что королю и королеве и в ужасном сне не могло привидеться. Она полюбила меня и передала всё свое мастерство. У тебя тоже неплохо получается и с заклятьями, и с перевоплощениями, даже очень неплохо – убедилась и, не скрою, блаженствовала. Тем не менее, кое-какие вещи я, наверное, смогу тебе показать.

Но вернемся к делам более прозаическим. За то время, что я провела в заточении, режим совсем прогнил. Он больше ничего не в состоянии гарантировать. В нем развалилось почти всё. Фронда зреет не по дням, а по часам. Его теперь и ноготком мизинца скovyрнуть можно. Поэтому обо мне и вспомнили. Прислали за мной конвой. Думают, я послужу палочкой-выручалочкой. Пусть пока надеются.

Отчего всё зашаталось, правда, не так очевидно. Ведь твердь простояла не одно десятилетие. В этом, мне кажется, всё дело. Всем мои разлюбезные родичи осточертели до смерти. Видеть их больше никто не может.

Но это только одна из фигурок пазла. Другая состоит в том, что люди изменились. Общество возмужало. Всем теперь нужно абсолютно иное. Какое иное – обсудим вместе.

Мы теперь единое целое. Мы команда. Мы по гроб жизни будем вместе, и всё будем делать сообща.

Замысел

- Повинуюсь, моя королева, – подхватил Доаль. – Я влюбился в тебя с первого взгляда. О такой, как ты, мечтал всю свою жизнь. Ты приходила ко мне в самых ярких сновидениях, вызывала незабываемые желанья. Я теперь без тебя и секунды не протяну. Все мои помыслы – лишь о тебе. Вся моя жизнь – только для тебя.

Согласен с твоими выводами. Наш анализ ситуации дает ту же картину. Прежние политические фигуры и классические политические партии никого больше не греют. Ни у кого не вызывают симпатии. Надоели всем донельзя. От них отворачиваются даже самые преданные сторонники.

И то, что у людей открылись глаза, тоже верно. Им надоело, что с ними обращаются, как с

пешками и держат за недоумков. Якобы от их имени правят, штампуют законы, делают политику. На самом деле ими лишь прикрываются. На них наживаются и их при этом же грабят.

Они хотят сами влиять на то, что происходит вокруг. Сами решать то, как должно быть. Видеть, как их желания, их наказания, их требования претворяются в жизнь. Сами во всем участвовать. Сами командовать, а не только служить для кого-то постаментом и ступенькой в карьерной лестнице. Жить в более честном, чистом, справедливом мире, где равенство в доходах и расходах – не пустой звук.

Кроме этого, есть еще пара фигурок пазла. То, что работало еще вчера, перестало работать сегодня. То, что казалось разумным когда-то, исчерпало себя. Рынки сбыта забиты. Они переполнены. А на них вываливают всё новые товары – иначе всё остановится.

Печатные станки все последние годы трудятся без устали. Напечатаны триллионы новых купюр. Но их не во что вкладывать. В результате мыльный пузырь ничем не обеспеченных денег надувается и надувается. Конца и края этому не видно.

Технологические фирмы вкладывают миллиарды в обновление модельного ряда своих изделий. Однако никто не хочет покупать новые дорогие игрушки только из-за того, что у них стало на одну кнопку или функцию больше.

Все погрязли в долгах. Их бремя всё более ощутимо. Долги сковывают по рукам и ногам власть, бизнес, домохозяйства – абсолютно всех. Так не может долго продолжаться. Жизнь взаимны когда-нибудь да заканчивается.

Государство, экономика, бизнес, производство, финансы, социум попали в заколдованный круг, из которого не видно выхода.

На этом фоне все страны решили, что своя рубашка ближе к телу, что они сильные, хитрые и ловкие, и у них получится всех объегорить. Может быть, конечно, кому-то подфартит, и ему удастся прорваться за чужой счет, хотя и маловероятно. За наш – точно не получится. Мы за себя постоим. Проблема только в том, что оголтелый национализм до сих пор никому не помогал. Он всегда приводил в прошлом к большой беде.

А ты что надумала? Как собираешься действовать? Я бы на твоём месте кампанию обустройства будущего разбил на три этапа. На первом не надо ничего ломать, вступить в конфликт с действующими структурами, обвинять во всех смертных грехах батюшку с матушкой. Пусть перезревший плод власти сам свалится тебе в руки.

На втором доставшуюся тебе власть важно консолидировать. Объединить всех вокруг себя. Убедить в том, что они не случайно в тебя поверили. Осуществить те первые предварительные шаги, которых от тебя все ждут, не забывая, тем не менее, о перспективе.

И только консолидировав общество, раскрепостив его, придав минимальное ускорение, можно будет заняться его подлинным переустройством.

Теперь настала очередь принцессы подхватить вольготно горящий факел.

- Спасибо, Доаль! Спасибо, моя любимая половинка! - проворковала она. - Ты за меня на часть своих собственных вопросов уже сам ответил. Осталось лишь обрисовать, как всё будет выглядеть в будущем. Мне кажется, что ключевые слова - обобществление и участие.

Уже сейчас привычное распределение ролей между людьми коренным образом изменилось. Оно продолжит меняться. В прошлом человек лишь потреблял энергию и платил по счетчику. К настоящему времени, благодаря панелям, ветрякам и всему остальному, владельцы домов, коммуны и товарищества способны производить электричества больше, чем им нужно, и продавать излишки. В этой области человек сел фактически по обе стороны шахматной доски: он теперь и потребитель, и производитель.

Еще совсем недавно люди хвастались тем, что они принадлежат к читающей нации. Они проглатывали комиксы, серьезные романы, бульварную литературу, опусы желтой прессы, рецензии, новости и т.д., которые писались для них. То есть они питались чужим трудом. Теперь они переселились в соцсети, сами создают и оценивают новости, обмениваются вымыслом, суждениями и шутками. Из потребителей они опять-таки превратились также и в творцов информации.

Когда-то считалось, что есть мужские и женские профессии, что женщины должны заниматься детьми, семьей, готовкой, хозяйством и никуда не лезть. Кстати, не только по традиции, но и потому, что у них это лучше получается. А у мужчин лучше выходит быть боссами и командовать, что дома, что на работе и в политике. Однако и это ролевое распределение осталось в прошлом. Наступила эпоха унисекса. Мужчинам больше не зазорно заниматься семьей и детьми. А женщины всё отважнее рвутся к вершинам власти и бизнеса.

Еще чуть-чуть - и произойдет революция в производстве. Печатать на 3-4 Д принтерах значительную часть того, что мы покупаем, станет легче, дешевле и удобнее у себя дома. Ходить в магазины за платьями, майками, кроссовками, куклами и самокатами станет глупостью. Котироваться будут только творцы - те, кто способен выдумывать красивые и полезные вещи. Соответственно все захотят и станут творцами, а не только и исключительно потребителями.

Что-то похожее должно произойти в политике и управлении. Пока что люди только захотели из пешек превратиться в ферзей, из тех, кем повелевают, сделаться вершителями судеб, из тех, за кого думают, вырасти в тех, кто живут своей собственной головой.

Вот такое общество чуть позже, когда я, когда мы консолидируем власть и сплотим людей вокруг себя, мы и будем строить. И в моей стране, и в твоих землях. Как? Принимается?

Доаль широко улыбнулся. На его лице, мужественном и открытом, легко можно было прочитать, что он по этому поводу думает.

- Конечно, принимается, - заверил он. - Только не забудь: чтобы всё получилось так, как мы хотим, мне нужно будет построить волшебный пьедестал. Из чего его соорудить, мы с тобой почти уже отыскали.

Во-первых, из веры, из уверенности в том, что мы знаем, как лучше. Во-вторых, из мощнейшего потока энергии, который будут генерировать свободные граждане, творцы своей собственной судьбы и окружающего нас мира. В-третьих, из постоянно совершенствуемых технологий, позволяющих человеку из нетто-потребителя превратиться в нетто-производителя благ, информации, товаров и политического действия.

Идем дальше. В-четвертых, из наших магических способностей, которые мы продолжим оттачивать. В-пятых, что важнее всего, из обретенной нами любви, ниспосланной нам богами, которая всегда будет служить путеводной звездой, и которой мы будем предаваться постоянно и бесконечно.

Доаль хотел еще что-то добавить, но принцесса поспешила перебить его.

- Последнее предложение мне нравится больше всего, - пропела она, прижимаясь к Доалю. - Давай-ка не будем мешкать с его осуществлением!

И карета вновь, как давеча, свернула с дороги и остановилась в перелеске...

© Н.И.ТНЭЛМ